

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-12-2>

УДК 347.78

Attribution

cc by

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аламова С.М.

Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. Отмечается, что под воздействием цифровых технологий объекты интеллектуальных прав утрачивают традиционные формы и всё чаще существуют как цифровые данные и алгоритмы, что, в свою очередь, обуславливает необходимость переосмысления их правовой природы, допустимых пределов использования и способов защиты. Рассматриваются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие цифровые права, а также различные доктринальные подходы к их пониманию и правовой природе. Дается критическая оценка законодательной инициативы по введению понятия «цифровые права» с точки зрения их соответствия системе гражданского права и делается вывод о недостаточном технико-юридическом качестве их регламентации. Отмечается, что действующее законодательство обладает как положительными характеристиками, позволяющими обеспечивать защиту прав правообладателей, так и отрицательными, проявляющимися в недостаточном междисциплинарном взаимодействии и неопределенности новых правовых категорий, что усложняет регулирование интеллектуальных прав в цифровой среде. Подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования с целью защиты прав авторов и правообладателей, а также создания надлежащего механизма защиты интеллектуальных прав в цифровой среде.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровые права, нормативно-правовое регулирование, цифровизация, цифровые произведения, право интеллектуальной собственности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION
IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Svetlana M. Alamova

Higher Education Institution the University of Management “TISBI”

Abstract. This article examines the legal regulation of intellectual property protection in the context of digitalization. It is noted that, under the influence of digital technologies, intellectual property objects are losing their traditional forms and exist as digital data and algorithms, which, in turn, requires a re-evaluation of their legal nature, permissible scope of usage, and methods of protection. This article examines the provisions of the Civil Code of the Russian Federation that regulate digital rights. It also explores various doctrinal approaches to their understanding and legal nature. Legislative novelties, including the introduction of the category of “digital rights”, are critically assessed in terms of their compliance with the civil law system, while highlighting certain shortcomings in their technical and legal regulation. It is emphasized that the current legislation contains both positive aspects, enabling the protection of rights holders, and negative aspects, which are manifested in an insufficient interdisciplinary cooperation and the lack of clear legal definitions for new categories, which complicates the regulation of intellectual property in the digital environment. This article emphasizes the need for further development of legal regulation is stressed to ensure the protection of authors’ and rights holders’ interests, as well as to establish an adequate mechanism for the protection of intellectual property rights in the digital environment.

Keywords: intellectual property, digital rights, legal regulation, digitalization, digital works, intellectual property law.

Funding: Independent work.

Введение.

Динамика процессов цифровизации современной действительности свидетельствует о том, что право уже не может оставаться в прежних границах классических конструкций, выработанных на основе материального оборота и традиционных представлений о вещах и нематериальных благах [1, с. 148].

Появление цифровых форм обмена, виртуальных объектов и новых способов создания и распространения результатов интеллектуальной деятельности формирует новый уровень общественных отношений, требующий от правовой системы не только адаптации, но и переосмысления фундаментальных понятий и категорий. Если раньше правовая доктрина

и законодательство реагировали на достижения технического прогресса уже после их закрепления в общественной практике, то сегодня перед правом стоит задача вырабатывать механизмы регулирования одновременно с развитием технологий, чтобы обеспечивать стабильность гражданского оборота и охрану интересов его участников.

В сфере интеллектуальной собственности указанная тенденция выражается особенно отчетливо, так как традиционные юридические конструкции сталкиваются с цифровыми формами существования результатов интеллектуального труда, которые утрачивают материальную форму и приобретают вид цифровых данных, вызывая необходимость определения их правовой природы, допустимых пределов использования и способов защиты.

Переход результатов интеллектуального труда в цифровую форму обуславливает необходимость особого правового режима, который невозможно построить на традиционных положениях гражданского права.

В этой связи, нормативно-правовое обеспечение защиты интеллектуальной собственности сегодня представляет собой не просто свод законов, а сложную систему, которая должна учитывать специфику цифровых данных, алгоритмов и платформ [2, с. 7].

Исходя из данных посылов, в научной литературе анализируются как общие теоретико-правовые проблемы охраны интеллектуальной собственности, так и прикладные аспекты регулирования отдельных категорий объектов. Несмотря на наличие значительного объема научных исследований, посвященных вопросам правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, центральным объектом рассмотрения чаще всего оказываются проблемы, связанные с квалификацией объектов и определением объема правомочий их обладателей. При этом вопросам нормативно-правового обеспечения охраны интеллектуальных прав в цифровой среде уделяется существенно меньше внимания.

С учетом вышесказанного, целью настоящего исследования является комплексный анализ правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации с выявлением направлений совершенствования нормативно-правового регулирования.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

1) определить понятие и сущность нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности;

(2) проанализировать действующую нормативно-правовую базу и выявить её особенности применительно к цифровой среде;

(3) исследовать научные подходы по вопросам охраны интеллектуальных прав в условиях цифровизации;

(4) выявить основные проблемы правоприменения и предложить возможные направления совершенствования законодательства.

Методология.

Методологическую основу статьи составляет комплекс научных подходов, обеспечивающих всестороннее исследование правовой природы цифровых прав и механизмов их нормативного закрепления. В работе применялись методы общенаучного познания, включая анализ, синтез, систематизацию, а также специальные юридические методы, такие как формально-юридический, позволивший исследовать нормы гражданского законодательства, регулирующие сферу цифровых прав, и метод юридической герменевтики, обеспечивший интерпретацию положений законодательства и выявление их смыслового содержания.

Обсуждение.

Аналитическое понятие «нормативно-правовое обеспечение [чего-либо]» указывает на наличие некоторой совокупности источников права – законов, подзаконных нормативных правовых актов и других правовых документов, посредством которых государство в лице уполномоченных органов устанавливает юридические механизмы и инструменты для упорядочивания определённых сфер общественных отношений [3, с. 21].

В нашем случае речь идёт о создании правовых условий для действенной защиты интеллектуальной собственности, необходимой по мере внедрения цифровых технологий в различные области повседневной жизни. Как известно, этот процесс сопровождается существенными изменениями в способах создания, распространения и использования информации и информационных продуктов, что влечёт за собой, по меньшей мере, проблемы с идентификацией авторства и нарушение интеллектуальных прав в интернете.

Во избежание смешения терминов, которое иногда встречается в специальной литературе, уточним, что:

– цифровые технологии – это компьютеры, программное обеспечение, интернет, мобильные устройства и прочие инструменты, платформы и системы, в которых используются цифровые данные;

– цифровизация – это вся совокупность изменений, вызванных внедрением таких технологий: преобразование традиционных процессов и услуг в цифровую форму, включая автоматизацию, оптимизацию и повышение эффективности.

Оценка обеспеченности интеллектуальных прав гарантированной защитой в условиях цифровизации является вопросом прикладного характера, решение которого, на наш взгляд, должно основываться на общепринятых принципах, критериях и иных базовых положениях, достаточно хорошо разработанных в юридической доктрине в целом и в теории творчества в частности.

Цифровая среда современного общества формируется как сложная структура, объединяющая технические, информационные и правовые компоненты, взаимодействие которых определяет порядок создания, использования и охраны результатов интеллектуальной деятельности. В данной структуре объединены облачные сервисы, мобильные платформы, системы управления данными, а также механизмы контроля и регулирования использования интеллектуальной собственности в цифровом пространстве:

- мобильные технологии включают в себя устройства (смартфоны, планшеты) и сети, позволяющие пользователям получать доступ к информации и услугам в любом месте; их фокус – на мобильность и доступность, обеспечение связи и взаимодействия пользователей с цифровым контентом;

- облачные технологии позволяют хранить и обрабатывать данные на удалённых серверах, обеспечивая доступ к ним через интернет; основное внимание уделяется хранению и обработке данных, гибкости в использовании ресурсов и снижению затрат на ИТ-инфраструктуру [4, р. 41];

- технологии блокчейн функционируют на основе распределённого хранения информации, при котором каждый элемент сети содержит копию данных, что исключает возможность их несанкционированного изменения; их применение связано, прежде всего, с обеспечением достоверности, прозрачности и неизменности сведений, используемых при совершении цифровых операций;

- технологии, основанные на использовании алгоритмов искусственного интеллекта, которые можно назвать цифровыми технологиями последнего поколения, включают алгоритмы и модели, которые обучаются на данных для автоматизации задач и улучшения принятия решений подобно тому, как это сделал бы человек; фокус этих технологий – анализ данных, обучение и автоматизация.

Таким образом, каждая из перечисленных технологий имеет свои уникальные особенности и области применения:

Мобильные технологии обеспечивают доступность, облачные технологии фокусируются на хранении и обработке данных, технологии искусственного интеллекта – на автоматизации и анализе, а блокчейн – на безопасности и прозрачности.

Мобильные технологии зависят от устройств и сетей, облачные технологии – от серверов и сетевой инфраструктуры, технологии искусственного интеллекта – от алгоритмов и моделей, а блокчейн – от децентрализованных распределённых систем.

Мобильные технологии используются для связи и доступа, облачные технологии – для хранения и вычислений, технологии искусственного интеллекта – для интеллектуального анализа и решений, а блокчейн – для безопасных транзакций и хранения данных [5].

Вопросы интеллектуальной собственности в условиях цифровизации решены законодателем в следующих положениях части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации:

- статья 1229 определяет объекты авторского права, включая литературные, художественные и научные произведения, которые могут быть созданы и распространены в цифровом формате;

- статья 1231 устанавливает правила о добросовестном использовании произведений, экстраполируемые на произведения, созданные в цифровой форме;

- статья 1261 устанавливает, что программы для ЭВМ также охраняются авторским правом, что позволяет разработчикам защищать свои программные продукты;

- статья 1352 регулирует права на базы данных, определяя, что они могут быть объектами авторского права, если отвечают критериям оригинальности; это особенно важно в условиях цифровизации, где объёмы данных непрерывно растут;

- статья 1477 устанавливает порядок регистрации и защиты товарных знаков, включая их использование в интернете и цифровых платформах, что защищает бренды в цифровой среде;

- статья 1235 определяет условия заключения лицензионных соглашений, касающихся использования цифровых продуктов, что позволяет чётко регламентировать права и обязанности сторон в отношении цифровых произведений.

Особенности правового регулирования интеллектуальной собственности в условиях цифровизации нашли отражение в действующем законодательстве как напрямую, так и опосредованно через системное толкование соответствующих норм, что позволяет выделить несколько направлений такого регулирования:

- в связи с правовой охраной объектов, существующих в цифровом формате, что позволяет в полной мере учитывать реалии цифровой экономики и эффективно защищать интересы пользователей и создателей цифровых активов [6];

- в связи с авторскими правами на цифровые произведения, ГК РФ регулирует авторские права в контексте цифровых произведений, включая электронные книги, программное обеспечение, цифровые изображения и другие формы контента, что позволяет защищать права авторов в условиях интернета;

- в связи со справедливым использованием, законодатель предусмотрел положения о добросовестном использовании произведений, что позволяет использовать защищённые произведения, в том числе в электронном формате, в определённых случаях, без согласия автора (например, для образовательных целей либо в рамках цитирования);

- в связи с защитой программного обеспечения, ГК РФ относит программное обеспечение к объектам авторского права, что позволяет разработчикам

защищать свои программные продукты от несанкционированного использования и копирования;

- в связи с правами на базы данных и регулированием Интернет-торговли в части защиты товарных знаков и прав на интеллектуальную собственность в контексте электронной торговли, что помогает защищать бренды и предотвращать случаи мошенничества.

- в связи с чётким определением прав и обязанностей сторон при заключении лицензионных соглашений, а также в части ответственности интернет-платформ и провайдеров за нарушения прав на интеллектуальную собственность.

Обозначенные изменения носят точечный характер и состоят в прямой причинной связи с развитием цифровых технологий, при этом они вполне укладываются в рамки классической парадигмы защиты интеллектуальной собственности.

По нашим наблюдениям, законодательные новеллы, так или иначе отражающие правовую адаптацию к цифровой среде, можно встретить в трёх вариациях:

- первую группу составляют приведённые выше положения части четвертой ГК РФ, которые, хотя и отражают технологические изменения, не могут быть отнесены к формирующейся инновационной защите интеллектуальной собственности, ибо целиком и полностью охватываются классическими представлениями об институтах интеллектуальной собственности;

- вторая группа состоит из норм, которые обусловлены цифровыми трансформациями, но непосредственной связи с институтами интеллектуальной собственности не имеют; для этой группы не исключено применение, по аналогии, при защите интеллектуальной собственности (например, установленный пунктом 1 статьи 141.1. ГК РФ приоритет правил информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, который, в свою очередь, соотносится с принципами автономности и самодостаточности технологий) [7];

- третью группу составляют, условно, «нулевые» нормы, под которыми мы понимаем пробелы; то есть, отсутствие чёткой правовой нормы, которая могла бы регулировать определённые отношения – норму называем нулевой, поскольку она фактически не предоставляет правового регулирования, хотя оно и необходимо (например, установление правового режима результатов творчества генеративного искусственного интеллекта).

Основные тенденции развития нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации прослеживаются в специальной юридической литературе, посвящённой анализу норм, отнесённых нами к обозначенным выше группам.

Исследованию источников цифрового права посвящена статья В.А. Вайпана [8], где отмечается

что в условиях активной трансформации общественных отношений в цифровую форму формируется новая регуляторная среда для цифрового общества, экономики и государства, обладающая признаками самостоятельной отрасли права. Автор раскрывает понятие и виды источников цифрового права, отмечая, что система формальных источников права постоянно усложняется и изменяется под влиянием развития цифровых технологий, что обусловлено рядом факторов, в том числе технологизацией права, размытием принципа исключительности нормативных правовых актов, усилением роли судебного толкования.

Особое внимание автором уделяется кодификации цифрового законодательства. Обосновывается необходимость разработки Информационного (цифрового) кодекса как системообразующего акта, который мог бы обеспечить целостность и согласованность правового регулирования информационной, в том числе цифровой сферы.

В заключение им делается вывод о том, что цифровые общественные отношения выступают материальными источниками цифрового права, основанными на использовании информации в цифровом виде и цифровых технологий.

Проблематика определения правовой природы цифрового права во многом обусловлена неоднозначностью его законодательного закрепления и отсутствием единообразного подхода к пониманию данной категории. Этот вопрос рассматривается, в частности, Т.В. Дерюгиной [9], которая предлагает интерпретировать цифровое право, как особую разновидность субъективного гражданского права, выявляя в его содержании элементы правомочий, включающих возможность осуществления, требования и защиты соответствующих прав.

Анализируя нормативное закрепление цифрового права, автор отмечает существующие концептуальные расхождения, связанные с неопределённостью его юридической сущности, в частности, им обращается внимание на то, что в действующих положениях гражданского законодательства цифровое право, в одних случаях, рассматривается как самостоятельный объект гражданских прав, а в других – как инструмент удостоверения или фиксации имущественных притязаний. Подобное двойственное толкование порождает размытость границ между категориями «объект права» и «объект обязательства», а также к подмене понятия «право» отдельными правомочиями.

По мнению Т. В. Дерюгиной, цифровое право не обладает признаками самостоятельного имущественного права, поскольку ему не присуща индивидуальная определённость, свойственная объектам гражданского оборота.

В итоге, ею делается вывод о том, что цифровое право следует рассматривать не как самостоятельную отрасль права, а как особую форму закреп-

ления имущественного права, обладающую ограниченным содержанием и не обладающую признаками обособленного объекта гражданских прав.

Рассмотрев введенную в Гражданский кодекс РФ категорию «цифровые права», а также специальное законодательство, регулирующее утилитарные цифровые права, А.Ю. Чурилов обосновывает точку зрения, что цифровые права, по своему содержанию и порядку реализации, практически полностью дублируют бездокументарные ценные бумаги, а конструкция цифровых прав и цифровых свидетельств является чрезмерно усложненной, что создаёт трудности для их использования в инвестиционных целях. Отмечается, что цифровое право является лишь формой существования права требования, но не новым самостоятельным объектом гражданских прав.

По мнению автора, это указывает на нецелесообразность введения в Гражданский кодекс такого объекта гражданских прав, как цифровые права [10].

Авторитетные мнения отражены в экспертном комментарии относительно введения в Гражданский кодекс РФ понятия «цифровые права» и оценки эффективности данной законодательной новеллы [11]. В обсуждении участвовали ведущие российские эксперты в области гражданского права, экономики и FinTech, а предметом дискуссии стали такие проблемы, как:

- целесообразность закрепления понятия «цифровое право» в Гражданском кодексе РФ и его соотношение с другими объектами гражданских прав (ценными бумагами, безналичными денежными средствами);
- недостатки законодательной формулировки термина «цифровое право» в Гражданском кодексе РФ, его неоднозначность;
- установление правил регулирования цифровых прав и определение порядка их реализации посредством функционирования информационных систем;
- проблемы, возникающие при применении цифровых прав на практике, включая потенциальные злоупотребления и угрозы кибербезопасности;
- взаимодействие цифровых прав с действующими и разрабатываемыми нормативными актами, включая законопроекты о цифровых финансовых инструментах и краудфандинге;
- влияние внедрения института цифровых прав на развитие цифровой экономики России.

Введение в Гражданский кодекс Российской Федерации новой статьи 141.1 «Цифровые права» свидетельствует о признании законодателем существования новых объектов гражданских прав, возникающих в цифровой среде. Ранее обсуждался вопрос о том, следует ли регулировать особенности обращения объектов в цифровой среде специальным законом, таким как проект о цифровых финансовых активах, однако, законодатель остановился на включении соответствующих положений о цифровых правах непосредственно в Гражданский кодекс. При этом

термин «цифровые права» трактуется достаточно ограниченно и не охватывает весь спектр объектов, переведённых в цифровую форму для совершения сделок. Оно применяется только к правам, которые прямо названы таковыми в законе и изначально создаются в привязке к определённой информационной системе [12, с. 59].

Эксперты отмечают сходство цифровых прав с бездокументарными ценными бумагами, однако, указывают на то, что в случае с цифровыми правами отсутствует обязательное лицо, ведущее учёт и отвечающее за его достоверность (регистратор, банк и т. д.). Дополнительную критику вызывает положение о том, что содержание и условия осуществления цифровых прав определяются правилами информационной системы, а не гражданским законодательством, что рассматривается как ограничение автономии воли участников гражданского оборота и возможный источник злоупотреблений [13, с. 58].

В оценке целесообразности введения отдельной категории цифровых прав в Гражданский кодекс мнения экспертов расходятся. Одни считают это оправданным компромиссом, учитывая недостаточную разработанность института бездокументарных ценных бумаг, другие полагают, что введение такой законодательной новеллы является ошибочным решением, нарушающим устоявшиеся цивилистические концепции.

В целом, несмотря на неоднозначность подходов, эксперты сходятся во мнении о том, что введение цифровых прав открывает новые возможности для развития цифровой экономики в России, однако, их реализация будет зависеть от дальнейшего совершенствования законодательства и позиции регулирующих органов.

Так, Л.А. Новоселова отмечает, что понятие «цифровые права» в Гражданском кодексе РФ является достаточно узким, оно применяется только к правам, прямо выделенным законодательством, и которые изначально формируются и функционируют в цифровой среде, связанной с конкретной информационной системой. Вместе с тем, кодекс не раскрывает технических характеристик таких систем, не описывает их распределённую структуру и не упоминает возможности использования криптографических технологий, что подразумевает необходимость установления соответствующих требований в отдельных нормативных актах.

Сравнивая цифровые права с бездокументарными ценными бумагами, Л.А. Новоселова отмечает, что в обоих случаях имущественные права не имеют материального носителя, а их принадлежность фиксируется посредством записей в специализированных учетных системах. В отличие от бездокументарных ценных бумаг, где существует ответственное лицо, ведущее учёт и гарантирующее достоверность информации, в системах цифровых прав аналогичный контроль отсутствует [14].

В целом, по мнению Л.А. Новоселовой, формулировка «цифровое право» в традиционном понимании является не самой удачной, поскольку использование термина «право» требует пояснения его содержания, а в данном случае речь идёт скорее о правах, приобретших особые качества в связи со спецификой их учёта, а не о новом виде субъективных гражданских прав.

С.В. Сарбаш выступает против введения в Гражданский кодекс термина «цифровые права», рассматривая такую новеллу как серьёзную методологическую ошибку законодателя, поскольку цифровые права не создают новый объект гражданских правоотношений, а лишь выступают в качестве способа закрепления уже существующих прав в цифровой форме. При этом цифровизация обеспечивает только фиксацию и реализацию прав, не изменяя их сущность, структуру имущественных отношений и основные правомочия [15]. Например, авторское право на цифровое произведение, зарегистрированное в соответствующей информационной системе, сохраняет все основные права автора (право на использование, распространение и защиту произведения).

Среди исследователей, которые положительно оценивают введение понятия «цифровые права» в Гражданский кодекс Российской Федерации, можно выделить А.С. Генкина. В отличие от критиков, он рассматривает цифровые права как новый вид объектов гражданских прав с особыми характеристиками. В отличие от традиционных объектов, таких как вещи или ценные бумаги, цифровые права, как он полагает, создаются, фиксируются и обращаются исключительно в рамках информационных систем и обеспечивают реализацию конкретных правомочий их владельцев внутри этих систем.

По мнению А.С. Генкина, содержание цифровых прав и порядок их осуществления определяется правилами функционирования соответствующих информационных систем, а не напрямую нормами гражданского законодательства, что, с одной стороны, создаёт определённые правовые риски, а с другой, одновременно обеспечивает гибкость регулирования новых объектов. Введение цифровых прав открывает возможности для развития цифровой экономики в России, позволяя легализовать и упорядочить оборот широкого спектра объектов, возникающих в электронной среде, включая криптовалюты, токены и различные виды цифровых активов [16]. Вместе с тем, действующая редакция статьи 141.1 Гражданского кодекса РФ носит рамочный характер и требует дальнейшей конкретизации в специальных законах.

Мы поддерживаем мнение относительно весьма невысокого технико-юридического качества регламентации цифровых прав в том её виде, как она представлена в настоящее время. Разделяем также позицию, что цифровые права являются лишь методом оформления, но не новым объектом гражданских прав, а потому введение этого понятия является

ошибкой законодателя. Тем не менее, вследствие повышенного внимания к этой теме, возможно, найдутся такие доктринальные интерпретации, которые впоследствии можно было бы обсуждать и в контексте защиты интеллектуальной собственности, например, с учётом принципа автономности и самодостаточности технологий.

В таком ключе, несомненный интерес представляет статья, посвящённая цифровым знакам как объектам гражданских прав [17]. Её авторы отмечают, что для признания цифровых знаков (токенов) самостоятельными объектами гражданских прав и правоотношений необходимо установление между ними и выраженными в них объектами прав юридически прочной и неразрывной связи, обусловленной выполнением токенами правообразующей функции. Владение токеном представляет третьим лицам чёткое и однозначное представление о том, что право на объект, связанный с токеном, принадлежит его владельцу [18]. В статье представлены как аргументы в пользу, так и возражения против признания токенов самостоятельными объектами гражданских прав и делается вывод о том, что правообразующий подход повышает прочность юридического положения приобретателя и обеспечивает безопасность гражданского оборота в большей степени, чем правоудостоверительный подход.

Полагаем, что аналогичный принцип может быть применён к «оцифровке» объектов интеллектуальной собственности, сопоставимой с «токенизацией» объектов гражданских прав, рассмотренной в статье.

Считаем, что серьёзной проблемой нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде является недостаточная степень междисциплинарного экспертного взаимодействия. Представления о технологических реалиях, включая технологии искусственного интеллекта, пока ещё не достигли той степени ясности, которая позволила бы создавать нормы права, отвечающие критерию правовой определённости [19, с. 499].

Полагаем, что, в контексте защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде, следует различать «нормативно-правовое обеспечение» и «нормативно-правовую обеспеченность». Если в первом случае мы имеем дело с нормативным массивом, состоящим из законов, подзаконных нормативных правовых актов и международных соглашений, которые устанавливают соответствующие правила, то во втором подразумевается фактический уровень реализации этих норм в данный момент, включая наличие эффективных механизмов защиты прав, практику их применения, судебные решения и активность правоохранительных органов в области защиты интеллектуальной собственности; то есть, всё то, что относится к эффективности этих инструментов в реальной жизни.

Нормативно-правовая обеспеченность зависит не только от собственно юридических факторов.

Так, в России на правительственном уровне было принято решение приостановить законодательное регулирование искусственного интеллекта на два года. По мнению вице-премьера –руководителя аппарата Правительства РФ Дмитрия Григоренко, «мы не считаем, что сейчас именно тот момент, когда нужно заходить с регуляторикой самого развития и применения. ... пару лет поживём в таких реалиях, а дальше будем думать, что делать», чтобы «не появиться слишком рано или слишком поздно» [20].

Тем не менее, следует подчеркнуть, что приостановление соответствующей нормотворческой деятельности носит временный характер и, как таковое, не является запретом на продолжение научных изысканий в данной области, составляющих базу нормотворчества.

Результаты.

С развитием цифровых технологий, включая искусственный интеллект, возникает необходимость формулирования правовых режимов, регулирующих их использование. Важно избегать так называемого «правового романтизма», который может привести к избыточной регламентации и фрагментации правового поля. Мы сталкиваемся с дилеммой: с одной стороны, существует тенденция воспринимать каждую новую технологию как объект правового регулирования, требующего создания уникального правового режима; с другой стороны, имеются основания рассматривать технологические новшества как новые формы, к которым можно применить традиционные цивилистические конструкции.

В качестве ориентира для выбора подхода к правовому регулированию может служить алгоритм, основанный на концепции реальности виртуальных миров Д. Чалмерса [21].

Пошаговая экспликация данного алгоритма выглядит следующим образом:

1. Исходная позиция: физический мир представляет собой реальность, основанную на материальных объектах и физических законах, тогда как виртуальный мир – это цифровая конструкция, в которой взаимодействие происходит в рамках заданных правил и алгоритмов.

2. Идентификация виртуального действия: необходимо определить, имеет ли виртуальное действие аналог в физическом мире, включая как прямые, так и непрямые аналогии.

3. Сопоставимость виртуальных и физических действий: сопоставимость определяется через сущность действий, их последствия, применимые правовые нормы (по нашей условной классификации – «позитивные» или «нулевые»), социальное восприятие, технические ограничения и этические соображения.

4. Оценка аналогии: важно оценить, насколько виртуальные действия могут быть сопоставимы с действиями в реальной жизни.

Соблюдение данного алгоритма позволит принять обоснованное решение относительно выбора

варианта правовой адаптации – будь то модификация существующих норм или создание нового регулирования. Этот алгоритм идентификации и оценки виртуальных действий имеет сходство с методологией оценки в случаях применения аналогии закона и аналогии права, обусловленное одной и той же эпистемологической ситуацией, а именно – необходимостью принять решение в условиях неопределённости.

В результате анализа нормативного обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде, выявлены как положительные, так и отрицательные аспекты. К положительным можно отнести то, что действующее законодательство обеспечивает защиту интересов правообладателей интеллектуальной собственности, переведённой в цифровую форму, гарантируя возможность защиты прав в случае нарушения и установления механизмов регулирования их использования. Отрицательным признаком нормативного обеспечения защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде является недостаточная степень междисциплинарного экспертного взаимодействия при разработке нормативно-правового регулирования, что препятствует формулированию чётких и однозначных определений новых понятий, связанных с цифровыми технологиями, а в итоге - затрудняет правовое регулирование, создавая предпосылки для нарушения принципа правовой определённости.

Приостановление законодательного регулирования искусственного интеллекта на два года может негативно сказаться на своевременности и качестве нормативно-правового обеспечения защиты интеллектуальной собственности в условиях развития данных технологий.

Заключение.

Подводя итоги, важно отметить, что нормативное регулирование защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде должно быть антропоцентричным, исходя из важности защиты прав и интересов человека в условиях активного внедрения цифровых технологий, обеспечивая их соблюдение при создании, использовании и охране цифровых объектов.

Взаимодействие человека и машины подразумевает и необходимость защиты прав пользователей технологий. Ведь, именно человек является основным создателем интеллектуальных продуктов, даже если материально воплощённые результаты его творческой деятельности начинают «жить своей собственной жизнью». Проблема заключается в том, что в условиях цифровизации, когда машины и алгоритмы могут генерировать контент, включая музыку или произведения искусства, важно определить, каким образом права на такие произведения будут относиться к человеку, использующему эти технологии.

В силу принципа антропоцентризма, интересы людей, использующих цифровые платформы для создания, распространения и потребления интел-

лектуальной собственности, должны быть законодательно защищены; законодатель также должен учитывать влияние автоматизированных систем на права и свободы человека, обеспечивая справедливость и доступность в использовании интеллектуальной собственности.

Не менее важно обеспечение междисциплинарного экспертного взаимодействия для адаптации законодательства к специфике цифровых объектов.

Комплексное междисциплинарное взаимодействие специалистов в области права, информационных технологий, экономики и социальных наук представляется необходимым для выработки правовых режимов, отражающих современные технологические реалии и способных обеспечивать надлежащее регулирование защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Савенко Н.Е. *Legaltech в цифровой экономике и правовом регулировании экономической деятельности граждан* // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. С. 145-171. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.145.171 EDN: AVJYME
2. Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. *Право и цифровая трансформация* // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4-23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23 EDN: UHCPTG
3. Фролова Е.А., Лесив Б.В. *Источники и формы права: современный взгляд на основные теоретические положения* // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 1. С. 4-39. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.4.39 EDN: IKMSOO
4. Alzakhali O., Haji L.M., Shukur H. M., Zebari R.R., Abas S.M., Sadeeq M.A.M. *Comparison among cloud technologies and cloud performance* // Journal of Applied Science and Technology Trends. 2020. Vol. 1, No. 1. P. 40-47. DOI: 10.38094/jast1219 EDN: EBRJXZ
5. Фролова Е.Е., Купчина Е.В. *Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта* // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3 (61). С. 479-498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498 EDN: FWYEIP
6. Кочергин Д.А., Андрюшин С.А. *Цифровые активы, криптоактивы и цифровые валюты: экономическое содержание и потенциал конвергенции* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2023. Т. 39, № 4. С. 496-533. DOI: 10.21638/sprbu05.2023.403 EDN: KMVIAQ
7. Зайнутдинова Е.В. *Модели правового регулирования оборота цифровых прав и цифровой валюты* // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 4. С. 149-182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182 EDN: GJTHVY
8. Вайпан В.А. *Источники цифрового права* // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1 (110). С. 3-29. EDN: JBQYVV
9. Дерюгина Т.В. *К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права* // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 2. С. 35-54. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-derygina EDN: WLJCPJ
10. Чурилов А.Ю. *К вопросу о целесообразности введения в гражданский кодекс цифровых прав* // Legal Concept. 2020. Т. 19, № 2. С. 105-109. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.15 EDN: KDYABV
11. Новоселова Л.А., Габов А.В., Савельев А., Генкин А.С., Сарбаи С.В., Асосков А.В., Янковский Р.М., Журавлев А.С. *Цифровые права как новый объект гражданского права* // Закон. 2019. № 5. С. 31-54. EDN: ZPOQLZ
12. Волос А.А. *Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства* // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 51-71. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.51.71 EDN: KQKTLU
13. Дулатова Н.В. *Цифровые токены в гражданском праве* // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 1. С. 57-60. DOI: 10.14529/law230108 EDN: THIOFN
14. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. *Есть ли место "цифровым правам" в системе объектов гражданского права* // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179-192. EDN: EWMAFW
15. Мозрабян А.С. *Цифровые права как объекты гражданских прав в России* // Актуальные проблемы российского права. Т. 17, № 10 (143). С. 141-147. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147 EDN: AJSNPF
16. Нигметзянов Ш.А., Погодин А.В. *Оборот цифровых прав* // Аграрное и земельное право. 2023. № 4 (220). С. 26-29. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_4_26 EDN: EYOEIE
17. Новоселова Л.А., Полежаев О.А. *Цифровые знаки как объекты гражданских прав* // Предпринимательское право. 2019. № 4. С. 3-12. EDN: OWZKHA
18. Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А., Давудов Д.А. *Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте* // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 128-153. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.128.153 EDN: JNXPSK
19. Шпак А.А., Копцева М.С. *Искусственный интеллект в мире искусства: авторское право* // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 492-501. EDN: CVZOFI
20. В РФ в ближайшие годы не планируют законодательно регулировать ИИ // ТАСС. 26 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23251435> (дата обращения: 15.09.2025).
21. Chalmers D.J. *Reality +: Virtual worlds and the problems of philosophy*. - New York: W. W. Norton & Company, 2022. 544 p.

References:

1. Savenko N.E. Legal technologies in the field of intellectual property and public administration citizen // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023. No. 1. pp. 145-171. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.145.171 EDITED BY: AVJYME
2. Tikhomirov Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B. Law and digital transformation // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2021. No. 2. pp. 4-23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23 PUBLISHED BY: UHCPTG
3. Frolova E.A., Lesiv B.V. Sources and forms of law: a modern view on the main theoretical provisions // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2024. No. 1. pp. 4-39. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.4.39 ED: ICMSUO
4. Alzakholi O., Hadji L.M., Shukur H. M., Zebari R.R., Abas S.M., Sadik M.A.m. Comparison of cloud technologies and cloud performance // *Journal of Applied Scientific and Technological Trends*. 2020. Volume 1, No. 1. pp. 40-47. DOI: 10.38094/jastt1219 EDN: EBRJXZ
5. Frolova E.E., Kupchina E.V. Digital tools for intellectual property rights protection: on the example of blockchain and artificial intelligence // *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. 2023. No. 3 (61). PP. 479-498. DOI ID: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498 ANNOUNCED: FWYEIP
6. Kochergin D.A., Andryushin S.A. Digital assets, cryptoassets and digital currencies: economic content and convergence potential // *Bulletin of Saint Petersburg University. Economy*. 2023. Vol. 39, No. 4. pp. 496-533. DOI: 10.21638/spbu05.2023.403 ed.: KMVIAK
7. Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of digital rights and digital currency turnover // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2023. No. 4. pp. 149-182. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.149.182 EDITED BY: GJTHVY
8. Vaipan V.A. Sources of digital law // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2024. No. 1 (110). pp. 3-29. EDN: JBQYVV
9. Deryugina T.V. On the issue of the essential characteristics and legal nature of digital law // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 17, No. 2. pp. 35-54. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-Ed. Deryugina: WLJCPJ
10. Churilov A.E. On the question of the consistency of the introduction to the Civil Code of the Russian Federation // *Legal concept*. 2020. Vol. 19, No. 2. pp. 105-109. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.15 ed.: CDNABV
11. Novoselova L.A., Gabov A.V., Savelyev A., Genkin A.S., Sarbash S.V., Asoskov A.V., Yankovsky R.M., Zhuravlev A.S. Digital rights as a new object of civil law. 2019. No. 5. pp. 31-54. EDN: POOCLES
12. Volos A.A. Digitalization of society and objects of hereditary succession // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. No. 3. pp. 51-71. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.51.71 ED: CCTL
13. Dulatova N.V. Digital tokens in civil law // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2023. Vol. 23, No. 1. PP. 57-60. DOI: 10.14529/Law 230108 EDITED: THIOFN
14. Gongalo B.M., Novoselova L.A. Is there a place for "digital rights" in the system of objects of civil law // *Perm Law Almanac*. 2019. No. 2. pp. 179-192. EDN: EWMAFW
15. Mograbyan A.S. Digital rights as objects of civil rights in Russia // *Actual problems of Russian law*. Vol. 17, No. 10 (143). pp. 141-147. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147 EDN: AJSNPF
16. Nigmatzyanov Sh.A., Pogodin A.V. Turnover of digital rights // *Agrarian and land law*. 2023. No. 4 (220). pp. 26-29. Identification number: 10.47643/1815-1329_2023_4_26 EDITED number: hi
17. Novoselova L.A., Polezhaev O.A. Digital signs as objects of civil rights // *Business law*. 2019. No. 4. pp. 3-12. EDN: OPHA
18. Goncharov A.I., Sadkov A.N., Sadkov V.A., Davudov D.A. Digital currency in modern Russia: legal content and place in circulation. *Journal of the Higher School of Economics*. 2023. No. 3. pp. 128-153. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.128.153 PUBLISHED BY: JNXPSK
19. Shpak A.A., Koptseva M.S. Artificial intelligence in the world of art: copyright // *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. 2025. Vol. 18, No. 3. pp. 492-501. EDN: TSVZOFI
20. In the Russian Federation in the coming years, there are no plans to legislatively regulate AI // TASS. 2025. February 26 [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23251435> (accessed: 09/15/2025).
21. Chalmers D.J. Reality +: virtual worlds and problems of philosophy. - New York: W. W. Norton & Company, 2022. - 544 p.

Информация об авторе:

Аламова Светлана Мухаметовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»; E-mail: sm-alamova@mail.ru
Svetlana M. Alamova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Higher Education Institution the University of Management "TISBI"

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.11.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.12.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.12.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.